
УДК 622.34 + 553.3/4 + 910(470.5)

Алексей Антошин
Евгений Рукосуев
Сергей Смирнов

**ЗОЛОТО СЕННАРА:
ЕГИПЕТ И СУДАН ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКОГО
МАСТЕРА ЗОЛОТОДОБЫЧИ XIX В.**

**SENNAR'S GOLD: EGYPT AND SUDAN
THROUGH THE EYES OF A 19TH CENTURY URAL GOLD
MINER**

Aleksey Antoshin, professor of history at Ural Federal University, has published a new book, *The Gold of Sennar*. The work is based on the diary of Ivan Trofimovich Borodin, a Miass foreman gold miner, which is available at the State Archive of Sverdlovsk Region. Borodin participated in Ye. P. Kovalevsky's expedition to Eastern Sudan with the intent to discover gold deposits and to manage the mining process in 1847–1848. The expedition was organized by the Russian government at the request of Muhammad Ali of Egypt, who sought additional financial support to modernize the country. In his talk with Yevgeny Rukosuev, a leading research associate of the Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural branch), and Sergey Smirnov, associate professor of the Chair of Early Modern Period and Contemporary History of Ural Federal University, Aleksey Antoshin discusses a number of aspects of the expedition, as reflected in I. T. Borodin's diary. The new publication is of significant interest to the reader as the diary illustrates the book's view that he was a man of the people, and the events described are supplemented with the memoirs of E. P. Kovalevsky and other travelers that visited Egypt and Sudan between the 1830s–1850s (N. N. Muravyov-Karsky, A. A. Rafalovich, A. Norov, A. E. Brem).

Key words: Russia; Urals; Egypt; gold mining; expedition of Kovalevsky; Muhammad Ali.

Алексей Антошин, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, представляет свою новую книгу «Золото Сеннара» (М., 2013). Она написана на основе хранящегося в Государственном архиве Свердловской области дневника штейгера Миасских

золотых промыслов Ивана Трофимовича Бородина. Создатель дневника был участником экспедиции Е. П. Ковалевского в Восточный Судан для поисков золотых месторождений и организации работ по извлечению этого благородного металла в 1847–1848 гг. Экспедиция была организована правительством России по просьбе правителя Египта Мухаммада Али, который надеялся получить дополнительные финансы для проведения мероприятий по модернизации страны. В беседе с Евгением Рукосуевым, ведущим научным сотрудником Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, и Сергеем Смирновым, доцентом кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Уральского федерального университета, Алексей Антошин касается различных сторон работы экспедиции, отраженных в дневнике И. Т. Бородина. Сама монография представляет большой интерес для читателей, т. к. дневник служит только основой работы, взглядом «человека из народа», все описанное в дневнике дополнено воспоминаниями Е. П. Ковалевского и других путешественников, посетивших Египет и Судан в 1830–1850-е гг. (Н. Н. Муравьев-Карский, А. А. Рафалович, А. Норов, А. Э. Брем).

Ключевые слова: Россия; Урал; Египет; золотопромышленность; экспедиция Ковалевского; Мухаммад Али.

Евгений Рукосуев: 2014 год очень интересен с точки зрения массы юбилейных событий из истории России, которым еще предстоит отмечаться или которые уже были отмечены. Наряду с таким общеизвестным событием, как 100-летие начала Первой мировой войны, 200 лет назад произошло событие, которое, на первый взгляд, имеет весьма узкое, «региональное» значение: открытие штейгером Львом Бруснициным на Березовских золотых промыслах способа добычи благородных металлов методом промывки золотоносных песков. Для неспециалистов стоит пояснить, что золото на Урале было открыто Ерофеем Марковым в 1745 году недалеко от Екатеринбурга на речке Березовке, где начиная с 1748 года начинается промышленная добыча этого металла с помощью шахт. Это был довольно трудный и дорогостоящий способ. Находка же россыпного золота и разработка технологии его извлечения позволили снизить себестоимость работ, расширить район добычи золота практически на всю территорию Урала и, соответственно, значительно увеличить объемы добычи. Благодаря этим открытиям, Россия выходит на передовые позиции в мире по добыче золота. До конца 1850-х годов, по словам Карла Маркса, «...шел экспорт золота из Азии в Европу, но если не принимать во внимание золото, добытое между 1840 и 1850 гг. на Урале, то экспорт был так незначителен, что не мог дать каких-либо ощутимых результатов» [Маркс, т. 12, с. 68]. Но, помимо собственно добычи золота, Урал становится своеобразной учебной площадкой,

на которой разрабатывались, внедрялись и совершенствовались разные способы добычи золота, а потом и платины, из различных геологических пород, которые потом с успехом были использованы для добычи золота из россыпей Алтая, Сибири и Дальнего Востока.

Появившаяся в прошлом году книга Алексея Антошина «Золото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века» стала для меня, в буквальном смысле слова, открытием. Да, я был знаком с отчетами экспедиции известного русского путешественника, горного инженера Е. П. Ковалевского [Ковалевский, 1854; 1849; 1872] в Египет и Судан в 1847–1848 годах, они были опубликованы в «Горном журнале», но воспринимал ее, экспедицию, как чисто научную, организованную по заданию правительства для геологического изучения Северо-Восточной Африки и возможностей организации добычи золота из месторождений, открытых еще во времена Древнего Египта, в эпоху легендарных фараонов. Прочитав книгу Алексея Валерьевича, я обнаружил практически еще мало известную мне сторону деятельности Уральской горной администрации в первой половине XIX века – приглашение иностранных специалистов, инженеров из Египта, на Урал для практического изучения процесса добычи золота и потом ответную поездку уже русского горного инженера в Египет, для организации производства на месте. Во второй половине XIX века такие поездки иностранных специалистов на Урал стали довольно частыми. Понятно, что Е. П. Ковалевский взял с собой и несколько уральских мастеровых, которые должны были на месте показать африканским золотодобытчикам как надо промывать золотоносные пески, но то, что один из них, Иван Трофимович Бородин, вел дневник, в который записывал свои впечатления о том, что с экспедицией происходило во время длительного пути и на территории России, и во время морского плавания, и во время сплава вверх по Нилу, и во время перехода через пустыню, и, конечно, сама работа на месторождении золота в Судане... это просто здорово. Что мне особенно понравилось, так это то, что Алексей Антошин не стал ограничивать себя простой публикацией дневника штейгера Ивана Бородина, как это часто делают многие исследователи, когда им в руки попадают какие-либо воспоминания или путевые заметки, а провел работу по созданию очень ценного научного исследования, дополнив сведения, изложенные в дневнике, материалами из работ других русских и европейских путешественников в Африку в это время, превратил его в очень важное дополнение к этим работам. В результате, Алексей Антошин «добыл свой золотник» в копилку исторической науки.

Наша беседа сегодня представляется мне очень интересной, так как позволяет задать автору ряд вопросов, возникших при прочтении его книги, которые хотелось бы уточнить и расширить.

Сергей Смирнов: Прежде всего, хочется спросить автора книги: что подвигло Вас, историка русской эмиграции, заняться этим сюжетом?

Евгений Рукосуев: Мне это тоже интересно. Как Вас, признанного специалиста по политической истории России XX века, «занесло на эти галеры»? Как Вы решились обратиться к этой теме?

Алексей Антошин: Во многом эта книга стала реализацией давней детской мечты. Как и многие мальчишки и девчонки, с детства я увлекался Африкой. Ведь не одно поколение выросло на романах Майна Рида, Луи Буссенара, Генри Райдера Хаггарда и других авторов, воспевавших этот прекрасный и смертельно опасный континент. Зачастую с годами интерес к Черному континенту проходит, и ему на смену приходят новые увлечения. Так произошло и со мной. С конца 1980-х годов, вот уже четверть века, занимаюсь проблемами политической истории России, защитил по этой тематике две диссертации, выпустил несколько книг. Но, видимо, где-то в глубине моей души тот детский огонек интереса к Африке продолжал гореть.

Как-то на глаза попались книги замечательного отечественного африканиста Аполлона Борисовича Давидсона, написанные в соавторстве с В. А. Макрушиным – «Облик далекой страны» и «Зов дальних морей». Как и почти все, что выходит из-под пера А. Б. Давидсона, они были написаны так, что захватили, вызвали желание вновь вспомнить об Африке, найти свою старую карту Черного континента, очистить от пыли те книги советских и европейских африканистов, которые я начинал собирать еще в 1980-е. С 2005 года я регулярно участвую в международных конференциях африканистов, которые проводит Институт Африки Российской академии наук, вошел в состав Научного совета РАН по проблемам Африки, не раз публиковался в «Азии и Африке сегодня».

Но, общаясь на конгрессах с ведущими российскими африканистами, всегда чувствовал: нужно найти какой-то интересный яркий сюжет, новые материалы, которые были бы неизвестны столетним специалистам. И вдруг – удача! Осенью 2011 года на одной из конференций в Институте востоковедения РАН я познакомился с ведущим российским арабистом, профессором Геннадием Васильевичем Горячкиным. Он-то и обратил мое внимание на то, что в 40-е годы XIX века египетский правитель Мухаммад Али именно на Урал направил двух египетских инженеров, чтобы те познакомились с применявшимися в России технологиями добычи золота. А после этого с территории южноуральского Златоустовского горного округа отправилась в смертельно опасное африканское путешествие экспедиция, возглавляемая горным инженером Е. П. Ковалевским.

В результате уральскими мастерами в египетском Судане была построена первая в истории этой страны фабрика по добыче золота. Московские и петербургские исследователи давно знали об этой истории и провели большую работу с документами по данной теме, хранящимися в федеральных архивах. Нет ли каких-либо материалов об этой экспедиции в архивохранилищах Урала? – задал мне вопрос Г. В. Горячкин. Благодаря ведущему научному сотруднику Института истории и археологии УрО РАН доктору исторических наук В. А. Шкерину и заместителю директора Государственного архива Свердловской области А. Г. Сапожникову, мне удалось выяснить, что в этом архиве хранится уникальный исторический источник – записки участника экспедиции, помощника Е. П. Ковалевского штейгера Ивана Бородина. А когда мне удалось прочитать этот исторический памятник, стало ясно: он заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную книгу. Сюжет оказался настолько интересным, что у меня возникло желание побывать в тех местах, где оказались египетские инженеры и откуда родом Иван Бородин – на Южном Урале. Работа в Златоустовском городском архиве и краеведческих музеях Златоуста и Миасса дала немало любопытных материалов, но главное – мне довелось своими глазами увидеть этот край, оказаться на склонах Ильменских гор, где прошла жизнь Ивана Бородина. Я смог лучше понять этого человека – простого уральского мастера-первой половины XIX века, оказавшегося в далекой Африке.

Евгений Рукоусев: Расскажите немного о том, что собой представляет сам исторический источник, который лег в основу Вашей книги. Более того, нам хочется знать: как он выглядит внешне, так сказать, «материально»? По Вашему мнению, дневник писался в ходе путешествия или уже после?

Алексей Антошин: Это небольшая тетрадь в плотном коричневом переплете. Ее объем 40 листов. Впервые написавший об этой рукописи в 1950-е годы известный уральский историк А. Г. Козлов обозначил ее жанр как «путевой дневник» [Козлов]. По форме это действительно дневник, однако, очевидно, что писался он после возвращения из экспедиции, «по горячим следам» событий. Почерк, в частности, указывает на то, что данный труд писался не в походных условиях.

Евгений Рукоусев: Известно, что в это время русские горные инженеры после своих поездок за границу писали очень подробные и интересные отчеты, некоторые из них даже публиковались на страницах «Горного журнала». Мне хотелось бы дать небольшую справку для наших читателей, так как думаю у многих появится вопрос, где

простой мастеровой научился писать и читать. Казенные горные заводы Урала были своеобразным «государством в государстве», всем заправляло Уральское горное правление, в его состав входили горно-заводские округа, в состав которых входили несколько заводов, объединявшихся по производственному циклу, рудники, где добывалось сырье для работы заводов, леса, являвшиеся источниками топлива, а также золотые рудники и прииски. Все население заводских округов, мастеровые и работные люди, обязаны были выполнять различные работы, связанные с заводским производством, считались находящимися на службе, сравнимой с военной. Согласно Проекту горного положения 1806 года, все мальчишки, сыновья мастеровых и работных людей, обязаны были пройти обучение в заводских школах (на заводах были нужны грамотные специалисты), те из них, кто показал «хорошее стремление к наукам», продолжали обучение в окружных училищах. Те, кто смог их окончить с хорошими отметками, имели возможность в дальнейшем при работе на заводах, рудниках и приисках получить должности мастера или штейгера, то есть младших технических начальников. Так что и автор рассматриваемого нами дневника получил образование в окружном училище и как специалист был командирован для участия в экспедиции в Египет. В связи с этим у меня вопрос: можно ли сказать, что произведение Ивана Бородина – это своеобразный черновик его отчета о пребывании в экспедиции, написанный для Златоустовского окружного начальства?

Алексей Антошин: Да, думаю, что это очень точное определение. Рукопись содержит множество помарок, иногда перечеркнуты большие фрагменты текста: видимо, Иван Трофимович размышлял, как лучше выразить ту или иную мысль. Целый ряд фрагментов рукописи (в частности, посвященных финансовым аспектам экспедиции) как будто специально были написаны в расчете на то, что их прочитают чиновники Златоустовского горного округа, участвовавшие в организации поездки.

Евгений Рукосуев: История русско-египетских отношений 40-х годов XIX века показывает, насколько велика роль личности в истории. Очевидно, что этой экспедиции не было бы, если бы не фигура Мухаммада Али. О нем известно немало, тем не менее, как Вы думаете, насколько его особенности как человека и политического деятеля повлияли на развитие событий?

Алексей Антошин: Да, фигура Мухаммада Али занимает особое место в египетской истории. Известно, что многими в современном Египте именно он воспринимается как основатель новой националь-

ной государственности. Как известно, начало его политической карьеры удивительно. Ведь, родившись в 1769 году в албанской семье в Македонии, он до 30-летнего возраста занимался торговлей табаком и не помышлял о политике! И только Франко-турецкая война 1798–1801 годов, знаменитый поход Наполеона Бонапарта в Египет, сделала Мухаммада Али сначала командиром албанского отряда, а уже через семь лет – хедивом Египта. Как часто бывает в эпоху крутых перемен, на гребне волны оказался талантливый, волевой, амбициозный человек. Это была действительно незаурядная личность, умевшая мыслить по-новому, отказывавшаяся от многих стереотипов. Этот человек более 40 лет правил Египтом, внес решающий вклад в его преобразование, модернизацию облика его городов. И именно такая личность, как Мухаммад Али, мог решиться на столь дерзкий шаг – развитие с помощью России национальной золотодобывающей промышленности. Не случайно вскоре после смерти преобразователя Египта была закрыта и построенная уральскими мастерами золотопромывальная фабрика.

Евгений Рукоусев: При этом следует отметить, что у Египта не было реальной альтернативы России в качестве партнера по развитию золотодобычи. До 1848 года, до начала Калифорнийской «золотой лихорадки», Россия действительно занимала лидирующие позиции в мире в сфере добычи этого драгоценного металла. Вот после 1848 года ситуация стала меняться: началась активная добыча золота в Северо-Американских Соединенных Штатах, позднее – в Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии. Но в середине 40-х годов XIX века Мухаммад Али был ограничен в выборе партнера, несмотря на то, что отношения в предшествующий период с Россией складывались у него непросто, достаточно вспомнить, что между Египтом и Российской империей во время правления Николая I дважды происходили вооруженные конфликты: первый раз 8 (20) октября 1827 года в морском сражении в Наваринской бухте между турецко-египетским флотом и соединенным флотом России, Великобритании и Франции, когда турецко-египетский флот был полностью уничтожен; второй раз во время Турецко-египетской войны 1831–1833 годов, когда высадка русского десанта в Константинополе фактически помешала Египту разбить Турцию и тем самым спасла и Османскую империю, и султана Махмуда II.

Однако, при чтении Вашей книги у меня возник еще один вопрос: как воспринимало египетских партнеров русское правительство? Как относилась к приехавшим на Урал инженерам горная администрация? Честно говоря, удивляет тот факт, что квалифицированным специалистам, инженерам, обучавшимся в Германии, были выданы при их возвращении домой не чертежи, а макеты станков для промывки золотоносных песков!

Алексей Антошин: Согласен с Вами. При работе с документами у меня возникло аналогичное чувство. Складывается ощущение, что они воспринимались как люди, которым надо показать работу предприятия по добыче золота, начиная с самых азов. Ведь в Березовском, например, Али Мухаммад Ибрахим и Исса ад-Дашури непосредственно работали на вашгерде, как простые мастеровые. Конечно, круг их обязанностей в период уральской стажировки не вполне соответствовал статусу инженеров, который они имели, получив образование в Германии.

Евгений Рукосуев: Обратимся к «ответной» экспедиции россиян в Египет. Каков был ее состав, как она была оснащена, кто финансировал эту акцию?

Алексей Антошин: «Русская часть» экспедиции была весьма небольшой по количеству участников. Как свидетельствуют записки ее начальника Е. П. Ковалевского, помимо него самого в состав экспедиции входили биолог Л. С. Ценковский, а также два уральских штейгера – Иван Бородин и Иван Фомин [Ковалевский, 1872, с. 45]. Кроме того, в Египте к ним присоединились французский художник, переводчик-араб, врач, а в качестве своеобразного «начальника охраны» – подполковник-черкес. Несколько последних участников, вместе с множеством слуг, были переданы экспедиции лично Мухаммадом Али. Он же заранее отправил необходимые для строительства фабрики материалы в район Фазугли. Е. П. Ковалевский в своих записках не раз отмечает, что правитель Египта очень внимательно относился к подготовке экспедиции, вникал в мельчайшие детали, о которых забывал порой сам русский горный инженер. Однако о том, что правительство Египта непосредственно финансировало поездку русских специалистов в район Фазугли, ни Е. П. Ковалевский, ни Иван Бородин не упоминают. Между тем, как показано в моей книге, правительство Николая I взяло на себя финансирование пребывания египетских инженеров в России. Кроме того, отправлявшаяся в Африку группа Е. П. Ковалевского получила при отъезде из Златоуста большую сумму денег, которую, очевидно, им выделили как для поездки по России, так и для обеспечения их пребывания в Египте.

Евгений Рукосуев: Скажите, если в составе участников экспедиции были горный инженер (обязательно изучавший геологию в Горном институте), биолог и врач, то удалось ли им собрать какие-то ценные экспонаты для российских музеев?

Алексей Антошин: Как я отмечаю в своей книге, Л. С. Ценковский собрал богатую коллекцию растений. Впоследствии он представил результаты своих исследований Русскому географическому обществу, по ходатайству которого его и включили в состав этой экспедиции [Отчет..., с. 15]. Множество семян растений вывез из Африки и сам Е. П. Ковалевский в надежде, что какие-то из них смогут прижиться на юге России.

Евгений Рукосуев: Когда знакомишься с историей, описанной в Вашей книге, возникает ощущение авантюристичности всего предприятия. Горстка людей, никто из которых не владеет ни арабским, ни каким-либо другим африканским языком, отправляется в совершенно неисследованную страну, климатические условия в которой представляют трудности для выживания даже местных жителей, не говоря о выходцах с далекого севера. Да и сама цель крайне авантюрна – в таких условиях, на пустом месте построить фабрику по добыче золота, то есть фактически основать промышленное предприятие там, где народ живет в первобытном состоянии!

Алексей Антошин: Так ведь и сам Е. П. Ковалевский позднее вспоминал, что, беседуя с Мухаммадом Али, испытывал те же чувства. Ведь ни специалистов, ни оборудования, ничего не было, а паша возлагал на это дело огромные надежды. Единственное, о чем подумал в такой ситуации русский горный инженер: «Иншаллах! Дай только Бог, чтобы было золото!» [Ковалевский, 1872, с. 36].

Сергей Смирнов: Хотелось бы обсудить более общую проблему. Сейчас весьма модно заниматься исследованием образа другого (другой страны, культуры, человека). Можно ли выявить в дневниковых записях И. Бородина (русского мастерового первой половины XIX века, обладавшего соответствующим менталитетом, картиной мира) образ посещенных стран (страны). И если все-таки говорить об образе стоит, каковы источники формирования этого образа и основные его черты?

Алексей Антошин: Сложный вопрос. Конечно, Иван Трофимович находился на Африканском континенте не очень долго – около полугода. Он не владел ни одним африканским языком. Тем не менее, при работе с рукописью у меня сложилось впечатление, что постепенно в сознании Ивана Бородина начинал формироваться образ Африки. До путешествия Бородин не обладал тем предварительным багажом знаний об этом континенте, который имел его начальник

Е. П. Ковалевский: последний был хорошо знаком со многими посвященными Черному континенту произведениями, вышедшими к этому времени. Однако именно это обстоятельство привело к тому, что на непосредственное восприятие И. Бородиным Африки не накладывала свой отпечаток европейская литература XIX века, зачастую формировавшая не всегда корректный образ континента. Можно сказать, что сознание уральского штейгера было свободно от некоторых стереотипов (например, от романтизации образа Нила, свойственной той эпохе). Впрочем, естественно, картина мира, характерная для уральского мастерового XIX века, не могла не влиять на его восприятие стран Востока. Так, например, столица Османской империи была для него не Стамбулом, не Константинополем (как для многих его современников-интеллектуалов), а Царьградом.

Далек был Иван Бородин и от романтизации африканской саванны, восхищения экзотической природой Африки. Последнее было характерно для многих произведений европейской литературы XIX века. Вид африканского леса вызывал у Ивана Трофимовича воспоминания о России, однако сравнение оказывалось отнюдь не в пользу Черного континента: листва деревьев, вспоминал уральский штейгер, была не ярко зеленой, «как у нас на Родине», но «бледно тусклого цвета по причине пыли». Поэтому, как представлялось Бородину, африканская природа «не представляет красоты». Вообще, восприятие Черного континента через сравнение его с привычными российскими и европейскими реалиями – достаточно характерный для данного литературного памятника прием.

Однако с помощью каких механизмов осуществлялось восприятие Африки уральским мастеровым той эпохи? Например, возникает вопрос: было ли между членами русской экспедиции и африканцами хоть какое-то общение? Записки Бородина свидетельствуют, что их автор получил некоторое представление о наиболее распространенном языке Северной Африки – арабском. Ему удалось создать своеобразный русско-арабский разговорник, состоявший из 249 слов и выражений, что было несомненным достижением для простого мастерового. Обилие слов и выражений, связанных с производственным процессом, технической лексики – отличительная особенность этого разговорника. Однако, в этом произведении немало и бытовой лексики, разнообразных терминов, обозначавших реалии арабского мира середины XIX века. Таким образом, Иван Трофимович Бородин мог с трудом, но общаться с арабоязычной частью населения тех территорий, где оказывалась русская экспедиция.

Как контактировал простой уральский штейгер с представителями племен Восточного Судана? Очевидно, он вынужден был общаться с африканцами с помощью мимики и жестов. Впрочем, Бородин сам понимал, что этого недостаточно, неоднократно отмечая, что незнание языков существенно ограничивало его возможности восприятия Черного континента.

Следует учитывать также то обстоятельство, что условия тяжелейшей африканской экспедиции, конечно, накладывали отпечаток на восприятие Иваном Бородиным Африки. Путешествие группы Е. П. Ковалевского было чрезвычайно опасным, ее члены чуть не погибли, например, в Байюдской пустыне во время обратного пути, когда большинство из них слегли из-за тропических болезней. В таких условиях крайне затруднительно было заниматься наблюдениями этнографического характера. Тем не менее, какое-то представление о народах Восточного Судана у уральского штейгера сложилось. Критически относясь к перспективам построенной в результате экспедиции фабрики, Иван Бородин полагал, что дело было не в якобы свойственной африканцам лени, а в чрезвычайно скудном питании местных жителей. Практически единственной пищей африканцев была примитивная вареная «дурра» (разновидность похлебки). Таким образом, уральский мастеровой полагал, что одна из главных проблем, препятствовавших развитию золотодобычи в Северо-Восточной Африке, была связана с природно-климатическими условиями. При этом И. Бородин не пишет о специфике психологии и трудовой этики африканцев: очевидно, для него эти аспекты не играли решающей роли.

Необходимо отметить, что возглавлявший русскую экспедицию Е. П. Ковалевский был принципиальным противником идеи расовой неполноценности африканцев, которая нередко высказывалась в то время в европейской литературе. В своих мемуарах он посвятил африканским народам целую большую главу, подробно описал их нравы и обычаи. При этом, приводя разнообразные суждения по этому вопросу своих предшественников – европейских авторов – Егор Петрович не скрывал своего мнения, постоянно доказывая несостоятельность тезиса о врожденной дикости и отсталости африканцев.

Его помощник – человек совершенно другого круга, незнакомый со всей многочисленной европейской литературой по этому вопросу, – делал на страницах своих заметок лишь отдельные зарисовки «с натуры», показывающие образ жизни народов Восточного Судана в середине XIX века. За то короткое время, пока русские находились на прииске в Фазугли, Иван Трофимович смог, конечно, составить себе лишь самое общее представление о местных жителях. Он, естественно, заметил, что этнически и даже расово местное население отличалось от жителей Египта, которых ему довелось наблюдать в ходе их длительного путешествия. В результате наблюдений он выяснил, что политически местные племена были крайне децентрализованы. Самый общий характер носили его наблюдения, касающиеся их быта и способов ведения хозяйства: «Ходят больше нагие. Скота держат довольно, никуда не ходят без оружия». По словам И. Бородина, типичный воин племен Восточного Судана носил с собой три-четыре копья, стрелы, «палицу», щит. Практически абсолютно доминировали приверженцы местных традиционных верований, «идолопоклонники», как называл их Иван Трофимович.

Имеются в записках Бородина также отдельные зарисовки быта народностей, населявших другие районы Судана (например, племен динка). Уральский мастер обратил внимание на один совершенно непривычный ему обычай местных племен – делать надрезы на своем теле. Все тело туземцев было намазано какой-то мазью, вследствие чего, вспоминал Иван Трофимович, «от них воняет нехороший запах».

Внешний облик большинства представителей африканских народностей произвел на И. Т. Бородина довольно тяжелое впечатление. Отмечая, что, «смотря по наружности, они некрасивы собой», он пояснял: «Большая половина, видно, изуродована природой – то слепые, кривые, либо раны на теле от болезней». Следует отметить, что уральский штейгер попал в Африку тогда, когда еще не началось широкое проникновение на континент европейской цивилизации с ее более развитой системой здравоохранения, позволившей победить немало страшных болезней.

В целом заметим, что уральский штейгер, впервые оказавшийся на Черном континенте, проявлял довольно значительный интерес к различным народам Африки. Постепенно он научился различать представителей отдельных племен, уяснил их обычаи и особенности быта. Между тем, многообразие африканских народов могло поставить в тупик даже опытного путешественника, на что не раз указывали современники Ивана Бородина, например, русский географ А. А. Рафалович, в те же годы плававший по Нилу [Рафалович, с. 168].

Евгений Рукосуев: После прочтения книги я стал еще лучше относиться к простым уральским мастерам, потому как страницы дневника передают, как бы пафосно это ни звучало, мужество простых людей, стойкое перенесение трудностей пути, как сказано в книге: «переносить спокойно, как любую другую тяжелую работу, которую им приходилось выполнять на Миасских золотых рудниках»... Очень жаль, что И. Бородин не описал в дневнике таких интересных вещей, как строительство и работа золотопромывальной фабрики, откуда брали строительный материал, как организовывалась сама промывка песков, обучение местного населения навыкам работы... Все это, видимо, воспринималось им как совершенно обыденное, рутинное, не заслуживающее изложения на страницах дневника. Возвращаясь к роли личности в истории: пророчески звучат слова Е. П. Ковалевского «пока Мегемет-Али будет жив, золотопромышленность будет расти» [Ковалевский, 1872, с. 249]. Правитель Египта планировал продолжить сотрудничество с Россией, намереваясь послать на Урал на стажировку пять молодых египтян для изучения горного дела. К сожалению, Мухаммад Али скончался в 1849 году, его преемники не были настроены продолжить его мероприятия по развитию промышленности и экономики Египта, связи с Россией в развитии горной промышленности были прекращены.

Алексей Антошин: В целом, как мне представляется, экспедиция Е. П. Ковалевского не прошла бесследно для истории русско-египетских отношений. Впервые простые уральские мастера оказались в далекой африканской стране, увидели ее необычную природу, смогли познакомиться с некоторыми обычаями и традициями народов Северо-Восточной Африки. Наверняка, вернувшись в родные края, они что-то рассказывали о Египте и Судане своим родственникам и друзьям, и перед глазами жителей Золотой долины Южного Урала вставал облик далекой страны арабского Востока.

Ковалевский Е. П. Нильский бассейн в геологическом отношении // Горный журнал. 1849. Ч. 2. Кн. 4. С. 63–100.

Ковалевский Е. П. Странствователь по суше и морям : в 3 ч. СПб. : Тип. И. П. Бочарова, 1843–1845.

Ковалевский – Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. Т. 5. Путешествие во внутреннюю Африку (с картой и 17 рисунками). СПб. : Тип. И. И. Глазунова, 1872.

Козлов А. Поездка горного мастера И. Бородин в Египет // Уральский рабочий. 1955. 30 сентября.

Маркс К. Денежный кризис в Европе. Из истории денежного обращения // Маркс К. Собр. соч. 2-е изд. Т. 12.

Отчет Русского Географического общества за 1849 год // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1851. Кн. 5.

Рафалович А. А. Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1850. Кн. 4.

Kovalevskij, E. P. (1843–1845). *Stranstvovatel' po sushe i moryam* [Wanderer by land and sea] (in 3 parts). St. Petresburg: Tipografiya I. P. Bocharova.

Kovalevskij, E. P. (1849). Nil'skij bessejn v geologicheskom otnoshenii [The Nile basin in geologic reference]. *Gornyj zhurnal* [Mountain magazine], 2, 4, 63–100.

Kovalevskij, E. P. (1872). *Sobranie sochinenij Egora Petrovicha Kovalevskogo. T. 5. Puteshestvie vo vnutrennyuyu Afriku (s kartoyu i 17 risunkami)* [Complete works by Egor Petrovich Kovalevsky. Vol. 5. A travel into inner Africa (with a map and 17 pictures)]. St. Petersburg: Tipografiya I. I. Glazunova.

Kozlov, A. (1955, September 30). Pоеzdka gornogo мастера I. Borodina v Egipt [A trip of overman I. Borodin to Egypt]. *Ural'skij rabochij*.

Marks, K. (n. d.). Denezhnyj krizis v Evrope. Iz istorii denezhnogo obrashheniya [Monetary crisis in Europe. Glimpses of history of currency]. In K. Marks. *Sobr. soch.* [Complete works by K. Marks]. (2nd ed.). (Vol. 12).

Otchet Russkogo Geograficheskogo obshhestva za 1849 god [Report of Russian geographic society for 1849 yr.]. (1851). In *Zapiski Imperatorskogo Pusskogo Geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Imperial Russian geographical society]. Book 5. St. Petersburg.

Rafalovich, A. A. (1850). E'tnograficheskie zametki o zhitelyah Nizhnej Nubii [Ethnographic notes on inhabitants of Lower Nubia]. In *Zapiski Imperatorskogo Pusskogo Geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Imperial Russian geographical society]. Book 4. St. Petersburg.

The article was submitted on 06.06.2014

Алексей Валерьевич Антошин

д. и. н.

Россия, Екатеринбург,
Уральский федеральный
университет
alex_antoshin@mail.ru

Aleksey Antoshin, Dr.

Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
alex_antoshin@mail.ru

Евгений Юрьевич Рукосуев

д. и. н.

Россия, Екатеринбург,
Институт истории и археологии
УрО РАН
rukosuev@mail.ru

Yevgeniy Rukosuev, Dr.

Russia, Yekaterinburg
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS
rukosuev@mail.ru

Сергей Викторович Смирнов

к. и. н.

Россия, Екатеринбург,
Уральский федеральный
университет
sergei_smirnov@mail.ru

Sergey Smirnov, Dr.

Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
sergei_smirnov@mail.ru